

И. А. Авдеева*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ НОРМ МОРАЛИ И НОРМ ПРАВА В АНАРХО-КОММУНИЗМЕ П. А. КРОПОТКИНА

Проблема соотношения морали и права имеет давнюю историю в философии права и в этике — с тех пор как вообще наметилась тенденция к их различению и как двух сторон общественной жизни, и как различных типов нормативной регуляции. И по мере того, как усложнялась общественная жизнь, аспекты рассмотрения и взаимодействия права и морали становились все более и более дискуссионными вопросами. Особенно четко мы это видим в философии Нового времени (философия Просвещения, немецкая классическая философия). Споры не утихали долгое время, однако, несмотря на огромное количество фундаментальных трудов по проблеме соотношения морали и права, актуальность вопроса в общественной практике не вызывает сомнения. П. А. Кропоткин, будучи крупнейшим теоретиком в этой области конца XIX — начала XX века, также представил собственное видение указанной проблемы, подчеркивая принципиальное различие между правом и моралью: «Когда, например, нам говорят о Праве, с прописной начальной буквой, и заявляют, что Право есть объективированье Истины, или что законы развития Права суть законы развития человеческого духа, или еще, что Право и Нравственность суть одно и то же и различаются только формально, мы слушаем эти звучные фразы с столь же малым уважением, как это делал Мефистофель в “Фаусте” Гете. Мы знаем, что те, кто писали эти фразы, считая их глубокими истинами, употребили известное усилие мысли, чтобы до них додуматься. Но мы

знаем также, что эти мыслители шли ложной дорогой»¹. С одной стороны, вряд ли от основателя анархо-коммунизма можно было ожидать другого заявления, однако, с другой стороны, понять подобную позицию представляется чрезвычайно важным в связи с актуальностью данной проблематики в целом и несколько не потерявшей своего современного звучания позиции самого П. А. Кропоткина в частности.

В основе суждений П. А. Кропоткина о соотношении норм морали и норм права лежало два базовых постулата: вера в прогрессивный характер эволюции общества и отрицание какой-бы то ни было положительной роли государства в социальной жизни. Соответственно, как негативный фактор им воспринимались и отвергались все правовые нормы, санкционированные и поддерживаемые государством. В противовес «писаным законам» он акцентировал внимание на обычном праве, которое, по его мнению, объединяло в себе «обычаи и приемы, созданные человечеством в целях взаимной помощи, защиты и мира вообще»². Таким образом, можно сказать, что П. А. Кропоткин не просто выделял обычное право в самостоятельный тип права, а позиционировал его как единственно возможное право для прогрессивного развития общества.

В контексте его рассуждений обычное право включало все необходимые гарантии для жизни в обществах, охватывая все формы общественной жизни и общественных отношений — «все формы взаимной поддержки и защиты

¹ Кропоткин П. А. Современная наука и анархия // Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 338.

² Указ. соч. С. 277.

мира, включая сюда суд присяжных»³. В свою очередь, нормы обычного права свободно признавались сообществом равных общинников, а сами обычаи, по мнению П. А. Кропоткина, динамично реагировали, развивались, применяясь к новым требованиям жизни⁴. Подтверждение этому исследователь находил с «глубокой древности» и до XVI в. — именно в этот период, по его мнению, обычное право не только сформировалось, но и стало господствовать в Европе.

Обычное право развивалось из общественной нравственности, которая, по мнению ученого, образовывалась тремя составными частями — унаследованной привычкой (инстинктом), понятием справедливости и чувством самопожертвования. Ключевым являлось понятие справедливости, выработанное первобытным человеком из общительности и взаимной поддержки, имевших место уже в животном обществе. При этом справедливость понималась П. А. Кропоткиным как синоним равенства (*aequum*), в отличие от понятия справедливости (*iustitia*), принятого в римском праве. Такая трактовка в целом характерна для левых социально-политических теорий того периода, провозглашавших равенство одним из краеугольных камней своих идеологий. Вместе с тем, анализируя концепцию базовой структуры нравственности, предложенную П. А. Кропоткиным, следует отметить ее безусловную новизну для своего времени — триединость структуры нравственности достаточно ярко контрастировала с бытовавшими в тот период взглядами на ее происхождение из единого источника.

Ярко выраженный эволюционизм этики П. А. Кропоткина сформировался на основе его увлечения биологическим эволюционизмом Г. Спенсера и активного участия в полемике о путях образования нравственности в человеческом обществе, которая имела место в научных и политических кругах того времени. Поводом к ней послужили труды Ч. Дарвина «Происхождение видов» и «Происхождение человека», причиной же — стремление к секуляризации и социализации нравственности, характерное

для определенных социальных групп. В рамках этой полемики П. А. Кропоткин активно оспаривал постулат Т. Гоббса о «войне всех против всех», который в целом подтверждался «Происхождением видов» Ч. Дарвина, а также позицию Т. Гоббса, выводившего нравственность из установленных властителями законов, и позицию Т. Гексли, предполагавшего ее сверхъестественную данность и тоже говорившего об «органическом зле», характерном для природных процессов. Впрочем, несмотря на увлечение теориями Г. Спенсера, П. А. Кропоткин не забыл отметить его непоследовательность при применении принципов синтетической философии к анализу общества в части, касающейся, например, вопросов частной собственности или роли государства в социуме.

Анархистские воззрения П. А. Кропоткина определили и его жесткую характеристику законотворчества власти: «руководители, герои или законодатели», представлявшие государство, в лучшем случае только оформляли и санкционировали обычаи, но чаще же всего «стремились все время либо уничтожить те из учреждений обычного права, которые мешали образованию личной власти, либо преобразовать их в своих личных интересах или в интересах своей касты»⁵. Следствием становилось то, что «все законы, от самых древних до наших дней, состояли всегда из следующих двух элементов: первый утверждал и закреплял известные обычные формы жизни, признанные всеми полезными, а второй являлся приставкой, часто даже простой, но хитрой манерой выразить словами существующий уже обычай; но эта приставка всегда имела целью насадить или укрепить зарождающуюся власть, господина, воина, царька и священника, укрепить и освятить их власть, их авторитет»⁶. С позиций анархо-коммунизма П. А. Кропоткин отвергал государственное нормотворчество, противопоставляя ему нормотворчество общины — нормы права вырабатывались «толпой без имени»⁷, состоящей из свободных и равных общинников. При этом эти нормы сохраняли «классическую» структуру «гипотеза—диспозиция—санкция», с тем лишь отличием, что

³ Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. С. 279.

⁴ Указ. соч. С. 287.

⁵ Указ. соч. С. С. 277.

⁶ Указ. соч. С. С. 279.

⁷ Указ. соч. С. С. 277.

санкция всегда была одна — исключение из общества⁸. Отношения же между отдельными членами общины определялись «взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, также свободно признанными». Эти нормы постоянно развивались, в соответствии с прогрессом науки и изобретений и «развитием общественного идеала, все более разумного, все более возвышенного»⁹.

Таким образом, правовая нормативность, согласно изложенному пониманию ее сущности и специфики в эпоху сформированной государственности, не имеет ничего общего с моральной нормативностью, более того, последняя видоизменяется под влиянием первой, зачастую теряя свой свободный творческий характер и дух первобытной (настоящей. — *Прим. автора*) нравственности, которая заменяется фарисейской нравственностью, когда имеет место насилие и порабощение одного человека другим. По сути своей, подлинная нравственность основана лишь на одной норме — взаимоподдержке, что содержательно отсутствует в правовой нормативности. Как справедливо отмечает П. А. Кропоткин, «нравственные понятия, присущие первобытным народам, не могут удержаться наряду с современной промышленностью, возводящей в закон порабощение крестьян и рабочих, хищничество и борьбу за наживу; они не могут ужиться с торговлей, основанной на обмане или на пользовании чужой неумелостью, и с политическими учреждениями, имеющими в виду утвердить власть немногих людей над всеми остальными. Нравственность, вытекающая из сознания единства между всеми людьми одного племени и из потребности взаимной поддержки, не может удержаться в таких условиях. В самом деле, какой взаимной поддержки, какой круговой поруки искать между хозяином и его рабочим? между помещиком и крестьянином? между начальником войск и солдатами, которых он шлет на смерть? между правящими сословиями и их подчиненными? Ее нет и быть не может»¹⁰. Можно предположить, что

правовая нормативность и нормативность моральная также принципиально различны, во-первых, по источникам и основаниям своего происхождения и, во-вторых, по цели, которую потенциально реализуют оба вида нормативности — в первом случае это поддержание общественного (суть государственного) порядка и того положения дел, которое сложилось на данный момент по отношению прежде всего к собственности, а во втором случае это укрепление и утверждение порядка братского взаимодействия между людьми.

Соотнося позицию П. А. Кропоткина с сегодняшними реалиями, нельзя не отметить созвучие его «общинного нормотворчества» «свободных и равных общинников» с культивируемым в современной России «гражданским обществом», призванным взять на себя целый ряд функций, ранее вошедших под эгиду советского государства. Однако это созвучие ни в коем случае не говорит о том, что идеологемы анархо-коммунизма находят отклик у российских руководителей. Данное совпадение случайно и обуславливается простым совпадением цели, которую ставил в свое время П. А. Кропоткин и ставят современные политики — ослабление роли государства с одновременным усилением роли «свободных и равных» граждан. Только если у известного анархиста речь шла о полной отмене государства как такового, то российские руководители говорят лишь о частичном уходе государства с низовых — «местных» — уровней социальной жизни. Однако, как опять-таки было в свое время чрезвычайно остро отмечено теоретиком отечественного анархо-коммунизма, ситуация реформ в случаях, когда общество охвачено враждебными настроениями, не решит проблем, а только углубит их. «В эпохи безумной погони за обогащением, лихорадочных спекуляций, кризисов и внезапных биржевых крахов, в эпохи, когда огромные состояния составляются в несколько лет и с такой же быстротой проживаются, — в такие эпохи люди начинают замечать, что экономические учреждения, от которых зависит производство и обмен, не отвечают своей цели. Они не только не обе-

⁸ Кропоткин П. А. Хлеб и воля // Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М. : Правда, 1990. С. 165.

⁹ Указ. соч. С. 287.

¹⁰ Кропоткин П. А. Мораль. Право. Политика // Кропоткин П. А. Анархия : сборник / сост. и предисл. Р. К. Баландина. М.: Айрис-пресс, 2002. 576 с.

спечивают обществу того благосостояния, которое должны были бы обеспечивать, но достигают результатов совершенно противоположных. Вместо порядка они производят хаос; вместо благосостояния — бедность и неуверенность в завтрашнем дне; вместо согласия — постоянную борьбу эксплуататора с производителем, эксплуататоров друг с другом и производителей между собой. Общество все резче и резче делится на два враждебных лагеря, подразделяясь вместе с тем еще на тысячи мелких групп, ведущих между собой ожесточенную борьбу. Тогда, утомленное этой борьбой и вытекающими из нее бедствиями, общество начинает искать новые формы устройства и громко требует полного изменения форм собственности, производства, обмена и всех вытекающих отсюда хозяйственных отношений», — написал Кропоткин более 100 лет назад¹¹. На основании вышеизложенного следует отметить, что в части возможного нормотворчества здесь остается лишь один эффективный путь поддержания его свободного и справедливого духа — нормотворчество на основе действительного объединения равных людей с целью сближения с другими добровольными объединениями сограждан на основе общих интересов и потребностей.

Таким образом, анархо-коммунизм П. А. Кропоткина, отрицая всякую положительную роль государства в жизни общества и основываясь на прогрессивно-эволюционном развитии нравственности, отстаивал теорию, согласно которой наиболее эффективными регулятора-

ми общественных отношений являются нормы обычного права, выведенные из привычек (инстинктов), понятия справедливости и чувства самопожертвования. Ключевым являлось понятие справедливости, выработанное первобытным человеком из общительности и взаимной поддержки, имевших место уже в животном мире. При этом справедливость понималась П. А. Кропоткиным как синоним равенства. В таком содержательном ракурсе современные нормы права и нормы морали имеют мало общего с подлинной нравственностью, но возврат к подлинному смыслу нравственности, основанной именно на взаимной поддержке равных свободных индивидов на основе общего интереса и осознания, что счастье невозможно в одиночку и личное счастье строится на счастье всех, — все это определяет принципиально иной характер норм морали и их отличие от норм права. Более того, в творческом характере проявления нравственности вообще с трудом можно говорить о какой-либо четко выраженной нормативности. По сути, функция нормативной регуляции при таком подходе остается только у права, а сама нравственность при этом имеет принципиально иной характер и особый вектор и логику развития. Однако можно предположить, что в бесклассовом обществе будущего, где нравственность будет приближена к своей изначальной форме первобытной нравственности (вкуче с обычным правом) велика вероятность нового максимального сближения морали и права.

¹¹ Кропоткин П. А. Мораль. Право. Политика.